

Посвящается Герою России
подполковнику российских военно-космических сил
Олегу Анатольевичу Пешкову
и его боевым товарищам...

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель, здравствуй. Первым делом хочу сказать, что писатель, прежде чем взяться за ту или иную тему, задаёт себе два вопроса: зачем и для кого? В данном конкретном случае для меня таких вопросов не значилось. Это и так очевидно. Я задался вопросом: как?

Много лет назад наш Государь Александр III сказал крылатую фразу: «У России есть только два союзника – это её армия и флот».

По прошествии времени его фраза трансформировалась – мы приобрели ещё двух союзников: авиацию и ядерный щит.

Хочу отметить – это не очерк и не публицистика, а художественное произведение. От начала и до конца. Я задумал написать эту повесть почти сразу после трагической гибели Олега Анатольевича Пешкова, но процесс сбора материала подразумевал встречи с его близкими, друзьями, сослуживцами, а мне не хотелось доставлять этим людям боль.

Через какое-то время мне удалось встретиться с его сослуживцами, однокашниками

и друзьями, поговорить с ними. Мне даже было позволено поработать на лётных тренажёрах.

Самой большой удачей для себя я считаю встречи со штурманом майором Константином Мурахтиным, выжившим в том подлом нападении в сирийском небе, и женой Олега Анатольевича – Геленой Пешковой.

Огромное спасибо этим людям, ведь без их разрешения я не стал бы писать эту повесть. Причём во время разговора было ясно, что Константину Валерьевичу, Гелене Юрьевне не нужно ни повышенного внимания, ни всеобщего признания, ни какой-либо славы. Им хотелось лишь одного, чтобы их оставили в покое.

Константин Мурахтин наотрез отказался обсуждать и рассказывать нюансы службы и детали того происшествия. Поэтому все события рокового дня, описанные здесь, – художественный вымысел. Я это подчёркиваю.

Я – человек, прошедший войну, знаю, что война – это всегда слёзы, страх, боль, душевная, физическая, и временами безнадёга. Когда хочешь обнять человека, поговорить с ним, рассказать о своих печалях и радостях, и понимаешь, что его больше нет рядом. И страшные, пугающие своей пустотой слова **«никогда больше»** по-хозяйски входят в твою жизнь.

Ещё больше удивили меня комментарии в интернете к статьям, посвящённым проис-

шедшему в небе над Сирией. Одна дама, судя по лексикону и манере письма, не юная, но очень образованная, вопрошала ко всем: «А в чём же, собственно, состоит подвиг Олега Пешкова?» Ну если для кого-то известная фраза из популярнейшего советского фильма – «Есть такая профессия» – стала банальностью, тогда я хочу ответить той даме и в её лице всем остальным, кто этого не понимает или делает вид, что не понимает. Ответ прост и лежит на поверхности.

Для того, чтобы мы с вами спокойно ели, спали, ходили на работу, рожали детей, устраивали пикники по выходным, смотрели любимые сериалы, а вечером, завернувшись в тёплый халат, попивали горячий кофе, стуча по клавишам, писали очень грамотные комментарии с безупречной орфографией и пунктуацией и даже не задумывались, что может быть иначе (а ведь может, ох как может: достаточно взглянуть на Украину), – для всего этого Олег Пешков не пожалел самой малости – всего-навсего жизни.

В нашей истории было много героев: и тех, кого мы помним, и тех, кого давно забыли. Так вот, Олег Анатольевич Пешков заслуживает, чтобы его помнили. И если у кого-то при прочтении этой повести встанет ком в горле, не стесняйтесь – поплачьте. Плакать о таком человеке не грех.

Ведь вы только вдумайтесь, дорогие соотечественники: прах наших с вами предков, которые с оружием в руках кому-то помогали, кого-то защищали и освобождали, лежит в земле Европы, Азии, Африки и обеих Америк. И всё это Небесное Воинство стоит у нас за плечами и помогает нам. Поэтому мы обречены на Победу. Мы не умеем проигрывать. И ещё: мы не начинаем войн, мы их заканчиваем...

НЕБО НАД КАСПИЕМ

*Я вижу перед собой своих предков –
всех до единого.
Они зовут меня. Они призывают меня
к себе в чертоги Валгаллы,
туда, где храбрецы живут вечно.*

Молитва викингов перед смертельным боем

Когда винты самолёта высвистывали блюз, Олег любил вспоминать что-нибудь приятное или не очень. Он уютнее уселся в кресле и, расшнуровав ботинки, вытянул ноги. Пальцы, затёкшие от долгого сидения в одной позе, приятно заныли.

Когда он заболел небом? Он не помнил. Наверное, ещё там – в Косихе. Олег родился в селе Косиха, что на Алтае. Воспоминания далёкого детства почти совсем стёрлись из его памяти. Он помнил только большой бревенчатый дом с резными ставнями. Запах угольного дыма да сазанки, на которых с братом Саней лихо съезжал с горки.

И ещё отца, Анатолия Григорьевича. Он приходил всегда поздно, когда на улице было совсем темно. От отца пахло морозом и крепким табаком. Олег с Саней наперегонки бросались к нему, а он хватал их и высоко подбрасывал к потолку. От этого у Олега сердце падало куда-то вниз, а дыхание перехватывало. Наверное, тогда он и испытал первое, самое первое чувство полёта. Отец колот Олега щетиной и, поставив сыновей одного за другим на пол, говорил: «А что, мать, у нас сегодня на ужин? А то так есть хочется, что и переночевать негде!» – и смеялся, весело, с перекатами.

Счастливая мама всегда улыбалась, и Олегу становилось приятно, что отец смеётся, а мама вот так по-доброму улыбается.

А потом все садились за стол и начинали есть суп. Суп Олег не любил, но эти семейные вечера ему очень нравились.

Отец погиб через несколько лет в автокатастрофе. Как это было? Уже не вспомнить. Утром, когда Олег и Саня ещё спали, пришли незнакомые женщины и стали завешивать простынями зеркала. А мама стояла рядом и комкала в руках старую пуховую шаль.

– Командир, мы сейчас где? – На Олега с соседнего кресла смотрел штурман Костя Мурашин – он только что проснулся и спросонья тёр глаза, оглядываясь по сторонам.

– В самолёте... Ты же штурман, вот и разберись...

Костя улыбнулся и снова закрыл глаза...

Когда отец погиб, мама связала в узлы нехитрый скарб, собрала сыновей, и они все вместе отправились в Усть-Каменогорск, откуда иногда приходили письма. Где жила мамаина двоюродная сестра.

Там, в Восточном Казахстане, прошло его детство, с синяками, ссадинами, пирогами с яблоками, походами на рыбалку на Иртыш, бесконечными ветрами и суровыми зимами.

И ещё небо. Там, над Казахстаном, было совсем другое небо. Совсем. Не такое, как на Алтае.

В Косихе небо было низким, кажется, вытяти руку – и достанешь. А когда по нему бежали тёмные грозовые тучи, оно было немного страшным. Но неба Олег не боялся никогда.

Его мечтой с самых ранних лет было летать по нему. Не так, как сейчас, на борту транспортной авиации. А самому управлять боевым самолётом. Или гражданским. Не важно. Лишь бы самому.

Олег улыбнулся – даже на одном из чудом сохранившихся фотоснимков из детства русоволосый крепкий мальчуган стоял, сдвинув брови и крепко прижимая к себе игрушечный самолёт. Этот самолёт подарил ему дядя Володя – новый мамин муж.

Своих детей у дяди Володи не было, поэтому к Олегу с Саней он относился как к родным. Олег был ему особенно благодарен за время, когда они с братом, подростки, частенько оставляли лоскуты своих рубах на соседских заборах.

Дядя Володя, человек немногословный, усмехаясь в усы, говаривал:

– Ты их не суди строго, Оля. Пацанва, что с них взять?

У дяди Володи имелась родная сестра, у которой была дочь Лена. Иногда её приводили в дом. Если взрослые уходили, мама строго наказывала: «Олежка, ты за старшего, гляди за малыши. Да чтоб Санька Ленушку ненароком не обидел».

На Лену тогда он внимания не обращал. Подумаешь, девчонка какая-то. Но отмечал про себя внимательный и не по-детски серьёзный взгляд голубых, как небо, глаз.

Олег выглянул в иллюминатор. Внизу было море, оно, отражая солнечные блики, слепило глаза. Как в самый первый полёт. Настоящий полёт, правда с инструктором, на Ла-пятом. Только там была река. Какая? Он уже не помнил. Это было на аэродроме под Харьковом. Первый полёт – и чувство, когда всё внутри замирает и хочется закричать от восторга...

В сентябре две тысячи пятнадцатого года решением верховного главнокомандующего Вооружёнными силами России в Сирии, в районе провинции Латакия, была создана российская военная база «Хмеймим». Несколько днями позже звено самолётов СУ-30СМ из состава 120-го смешанного авиационного полка авиабазы «Домна», что в Забайкалье, было перебазировано сначала в Моздок, а потом в сопровождении

военно-транспортного самолёта Ил-76, пролетев через воздушное пространство Азербайджана, Ирана и Ирака, приземлилось на базе «Хмеймим». А группа из шести СУ-34 выполнила перелёт в Латакию, минуя Азербайджан, – через Каспийское море.

Свои боевые задачи пилоты знали ещё дома: нанесение бомбовых и ракетных ударов по базам боевиков запрещённой в России группировки ИГИЛ.

Исламское государство Ирака и Леванта – так именовали себя «джихадисты». В Сирию со всего мира съезжались исламисты всех мастей: кто-то пострелять, кто-то заработать лёгких денег, а кто-то и вправду за идею.

Через несколько часов Ту-154, сделав круг над аэродромом, с моря зашёл на посадку. Самолёт засипел, качнулся и грузно зашуршал колёсами по взлётке.

Командир авиабазы «Хмеймим», генерал-майор, с красными от недосыпа глазами, водил лазерной указкой по большой карте песочного цвета со шторками.

– Прошу обратить внимание, товарищи офицеры, вот здесь и здесь аэродромы подскока. В провинции Хомс – «Шайрат», здесь – «Аль-Тайас», близ Пальмиры. Прошу штурманов пометить на своих лётных картах. При возникновении нештатных ситуаций, а также отказе техники можно присесть, но хочется надеяться, такого не случится. – И генерал, отвернувшись в сторону, трижды поплевал через левое плечо. – Охрана базы осуществляется подразделениями морской пехоты Черноморского флота и формированиями специального назначения 7-й десантно-штурмовой горной дивизии ВДВ. Кстати, товарищи офицеры, обращаю внимание – десантура также будет осуществлять вашу радиоподдержку с земли, вблизи поражаемых целей, а также отслеживать качество бомбовых и ракетных ударов. Далее – выполнение задач противовоздушной обороны базы поручено кораблям постоянного оперативного соединения ВМФ во главе с ракетным крейсером «Москва». Эскадра расположена в восточной части Средиземного моря – вот здесь. – И генерал вновь провёл по карте лазерной указкой. – Кроме того, воздушное пространство над Сирией прикрывает развёрнутая система ПВО в составе: ЗПРК «Панцирь – С1», ЗРК среднего радиуса действия «Бук-М2Э», ЗРК малого радиуса действия С-125 «Печора – 2М»,

ЗРК «Оса». Но опять-таки надеюсь, до этого не дойдёт, по нашим разведанным, боеприпасов, способов поражать воздушные суда, у террористов нет...

Олега сразу поразило небо над Сирией. Здесь оно тоже было другим – прозрачным. Как будто кто-то накрыл пустыню большой стеклянной банкой. И облака здесь были другими, пушистыми и в то же время колючими, как стекло-вата.

Расположились лётчики в деревянных сборных модулях, которые стояли тут же, неподалёку от аэродрома.

В вагончике на койке с алюминиевыми пружинами спал незнакомый лётчик. Он тут же проснулся, спросил курева и, повернувшись на бок, выглянул в окошко.

– Жарко? А, пустыня, чёрт её дерит. Тут всегда жарко. Двадцать два – двадцать три градуса, как на пляже. Только прилетели? А я тут уже две недели парюсь! – Лётчик зевнул. – Короче, парни, располагайтесь. Вот эти две кровати свободные, кондиционеры только поставили, не забывайте отключать. Здесь только днём жарко, а ночью до минус восьми – десяти, вот так вот. На ночные полёты если запишетесь – предупредайте. Ключи под порогом.

– Часто ночные-то? – Костя Мурахтин бросил вещмешок на одну из кроватей.

– Вот поживёшь здесь, полетаешь, всё сам узнаешь. Поспать не дают! – И лётчик, отвернувшись к стенке, тут же громко захрапел.

Олег шёл по извилистым улицам Усть-Каменогорска. Всё, как положено военному человеку: шинель, шапка, надетая с шиком – на затылок, тёплые ботинки, начищенные до блеска, в руке чемодан. На плечах красовались голубые погоны с жёлтой буквой «К» посередине. Это был его первый отпуск, в который он приехал домой из Харькова. «Курсант Харьковского высшего военного авиационного училища лётчиков» – гордо звучит? Гордо!

До этого Олег учился в Свердловском суворовском училище, которое окончил с отличием. Выбирать вышку долго не пришлось. Небо манило его, как и прежде.

Из суворовского Олег в отпуск почти не приезжал. Зимой находились какие-нибудь дела в училище: оформление музея боевой славы или ремонт, а летом – полигон. Да и отпускали их в увольнения и отпуска не очень охотно. Боялись,

что пацаны наворочают что-нибудь, за нарушения дисциплины строго наказывали.

Навстречу Олегу шла девушка в чёрном пальтишке. Стройная, как берёзка. Тёмно-синяя шаль слегка подчёркивала пышные тёмные волосы и правильно бледное лицо.

Девушка остановилась и улыбнулась Олегу:

– Привет...

– Добрый день, красавица. А мы знакомы?

– Ещё бы!

Девушка вновь улыбнулась и пристально посмотрела на него синими, как небо, глазами.

– Ленка! – ахнул Олег. – Ну надо же, извини – не узнал. Совсем невеста! Мои-то дома?

– Дома, где ж им быть. Тебя дожидаются, что ж ты телеграмму не прислал? Тётя Оля вся истосковалась...

– Ну ты вечером приходи...

Лена вновь посмотрела на него небесными глазами и кивнула.

Она шла по улице, а Олег всё смотрел и смотрел ей вслед, не в силах оторвать глаз.

Незнакомый лётчик был родом из Забайкальского округа.

– Капитан Саенко, Николай, штурман, – представился он, когда лётчики проснулись.

Он уже вовсю расхаживал по модулю и напевал какую-то попсовую песенку.

– Командир мой домой улетел, кто из вас пилотом будет? Ах, вы? – И он пожал руку Олегу. – Значит вместе летать придётся.

– А я как же? – Константин перенёс ноги с койки на пол и неуклюже сел на постели.

– Налетаешься ещё, – засмеялся Саенко, – я уже тут двадцать один боевой вылет сделал. Местность знакомая. А ты карты полётные изучать будешь. Да не переживай, два – три вылета сделаем с командиром твоим, а там уже сам будешь работать. Вон смотри в окошко – видишь, «такси» наши отдыхают?

Олег тоже посмотрел в окно:

– И много их тут?

– Хватает. Два звена истребителей Су-30 СМ, фронтовых бомбардировщиков Су-24 М и Су-34 с десятком и четыре звена штурмовиков. Вы на каких работаете, товарищ подполковник?

– Да на любых. – Олег, кряхтя, поднимался с постели. – Я пять типов самолётов освоил.

– Пя-я-ть? – недоверчиво протянул Саенко. – Снайпер? А давно?

– С год уже, после академии получил...

В Военно-воздушной академии имени Гагарина учиться пришлось заочно. Учёба всегда давалась Олегу легко. Суворовское – с отличием, Харьковское военное – с отличием, да и в академии учиться труда не составляло – тоже окончил с отличием. Единственное, что напрягало его, – тоска по семье. Вроде недолгие сессии, но всё-таки...

После окончания Харьковского высшего военного авиационного училища Олег начал службу лётчиком-инструктором на авиабазе Кант в Киргизии. Через год пришла замена – его отправляли в авиационный гарнизон в Возжаевку Амурской области.

Но прежде ждало его одно дело в Усть-Каменогорске. Пора было жениться. Там уже три года ждала его Лена. Это не было любовью с первого, второго, десятого взгляда – чувство рождалось постепенно. Оно росло, крепло и разливало множеством бурных потоков.

– Ты меня любишь?

Она кивнула.

– А ждать будешь?

Она опять кивнула и почему-то покраснела.

– Лен, я серьёзно. Мне ещё полтора года учиться.

Она обняла его и уткнулась в плечо.

– Я буду любить и ждать тебя хоть всю жизнь...

Он посмотрел ей в глаза. Такие глаза не врут. В них отражается небо, а оно его ещё никогда не подводило...

А потом были десятки, сотни и чуть ли не тысячи писем.

Олег записался на КП в список личного состава, заступающего на боевое дежурство. Вылет через четыре часа. Его штурманом и вправду оказался капитан Саенко.

Обслуживающий персонал медленно катил авиабомбы на специальной тележке к бомбардировщику, вторая группа аккуратно подвешивала их в бомболуки.

Николай поманил его пальцем:

– Олег Анатольевич, айда в чайную – кофейку попьём.

– Да ну её, там очереди всегда.

– Это, когда обеда нет, очереди. А сейчас, видишь, все в столовую потянулись. В самый раз – в чайной теперь никого...

Кормили на авиабазе прилично. Да и быт был налажен серьёзно: душевые, баня, стираль-

ные машины. Все продукты привозили из России. И готовили наши же повара. Местных к этому и близко не подпускали. Мало ли? Сирийцы строили дороги и мосты за пределами базы. Иногда через кого-нибудь из них морпехи покупали местные сим-карты.

Ещё в России всех убывающих заставили сдать мобильные телефоны, вместе с «симками», естественно. Но купить мобилу не проблема. А звонить как? Или хотя бы смс отправить? Вот тут-то на помощь приходили сирийские коллеги.

У них же можно было купить сувениры: тарелочки с нарисованными достопримечательностями, статуэтки из красного дерева и прочую мелочь...

Хотя Олег был пилотом наивысшего класса, в боевых действиях участвовать ему пока не приходилось.

– Товарищ командир, прошу отправить меня в командировку для выполнения служебно-боевых задач, вот рапорт...

– А ты не торопиться, Олег Анатольевич?

– Нет, товарищ генерал, я же всё-таки боевой лётчик, пора когда-нибудь на практике применить всё, чему учили. И так уж неудобно: Чечня, Осетия – всё мимо меня прошло...

– Добро, Пешков. – И генерал, написав на рапорте: «В приказ», поставил свою витиеватую подпись. – Удачи тебе, Олег Анатольевич.

Олег возвращался с ЦКП, получив боевое задание. Саенко ждал его у самолёта.

Су-24М, доработанный под СВП-24. Олег погладил борт бомбардировщика. Натянул шлем и по лесенке полез в кабину. Уже там передал штурману размеры целеуказаний:

– На, в БЦВС забей, если координаты поменяются в полёте, цэу на борт передадут, понял?

Штурман кивнул. Он быстро набрал координаты, переключил несколько тумблеров на приборной доске, повернулся к Олегу и показал большой палец.

– Самара, я восемьдесят третий, прошу разрешения на запуск.

– Восемьдесят третий, запуск разрешаю.

Олег запустил двигатель, кабина наполнилась шумом – затем проверил оборудование, связь с наземными службами. Приборы работали в штатном режиме.

– Самара, я восемьдесят третий, прошу разрешения вырulerь на взлётную.

– Восемьдесят третий, я Самара, вырulerь на взлётную разрешаю.

Олег вырulerь на взлётную полосу, включил форсаж, двумя ногами надавив педаль до пола. Самолёт начал набирать обороты. Проверил курс ВВП, уточнил запрос на взлёт и, получив утвердительный ответ, поднял самолёт в воздух.

Машина медленно оторвалась от земли, перестала сипеть и, плавно покачиваясь, прошла насквозь прозрачное сирийское небо.

Олег левой рукой убрал шасси, а когда на табло, замигав, погасли три ромбика, совместил на мониторе марку лидера и положил руку на гашетку.

Между ног пилота – рычаг управления, на нём семь кнопок, всё легко и просто, как джойстик на «компе», только чуток побольше и массивнее, даже медведя за пару лет научить можно.

Закат в Сирии тоже был необычным. Небо окрашивалось в ярко-горчичный цвет. Наверное, оно отсвечивало от песков пустыни, которая здесь расстилалась насколько хватало глаз.

Даже в полёте, на выполнении боевых задач он не переставал любоваться небом. Ночью и днём, в любое время года.

– Командир, заходим на боевой, цель слева – двадцать градусов.

– Понял.

Олег совместил перекрестье прицела с целью, откинув на ручке управления скобу, и указательным пальцем правой руки нажал на красную кнопку.

Бомболюк выкинул вниз створки. Бомбы неторопливо оторвались от днища бомбардировщика и ушли вниз, медленно покачиваясь, одна за другой.

На земле поднялся столб пыли, которая заволокла несколько десятков километров земли. Олег сделал крен влево и встал на курс.

– Земля, я небо. Как там наши подопечные внизу?

– Небо, я земля. Подопечные в стране вечной охоты. Спасибо за работу, – ответили с земли.

Саенко вновь поднял большой палец.

– Отработали, командир. А теперь на базу, а то к завтраку опоздаем.

На Дальнем Востоке, когда Олег служил командиром эскадрильи в разведывательном пол-

ку, в семье Пешковых родился первенец – дочь Алина. Её Пешковым подарило небо. Алина родилась, когда Олег был в воздухе, радостную весть с ЦКП аэродрома передали ему прямо в полёте. А когда он приземлился, весь лётный состав встречал его с огромным плакатом: «Поздравляем папашу с дочкой! Так держать и не останавливаться на достигнутом!».

Олег очень переживал, что не пришлось быть в это время рядом с женой: в полку проходила проверка и две недели он находился на полётах.

Выручали соседи по общежитию Заикины. Они навещали Лену в роддоме и помогали во всём.

Уже через несколько дней новоиспечённый отец смог обнять Лену и маленькую дочку лично.

– Всё правильно, Олег Анатольевич! – Захмелевший Юра Заикин, обнимал его за плечи. – План полётов верный. Сначала нянька, потом лялька.

И он со звоном чокнулся с раскрасневшимся от удовольствия Олегом.

Олег, выпив бокал, повернулся к Лене:

– И верно, Лен, уж сына не пропущу. Это как пить дать.

– Не пропустишь, не пропустишь. Не позволим. – Лена, замерев от счастья, смотрела на своего мужа влюблёнными глазами.

Заход на посадку аэродрома Хмеймим был с моря. Самолёт, медленно снижаясь, достиг береговой линии и потихоньку опускался, пока шасси не коснулись земли. Олег убрал обороты и свернул со взлётной полосы на боковую рулётку.

Не торопясь, отстегнул ремни, посидел немного в кабине, отходя от перегрузок. Затем приподнялся и выбрался наружу, вдохнув полной грудью свежий воздух.

Саенко стоял рядом с самолётом и наблюдал, как стальные птицы, оторвавшись от земли, делали круги над аэродромом и с раскатистым гулом, расколов небо, уходили в облака.

– Сила! – он обернулся к Олегу.

– И мощь, – улыбнувшись, добавил тот.

Четвёртый полёт Олег проводил уже с Константином. Саенко, накануне вечером попрощавшись, улетал в Россию.

– «Домой, домой, домой» – стучат колёса, – напевал он, разливая по алюминиевым стопкам

коньяк. – Понемножку, Олег Анатольевич. – Он смутился, поймав недовольный взгляд Олега.

– Понемножку можно. – Костя Мурахтин тоже смотрел на Олега.

– Что с вами делать, наливай. Только на улице ни ногой – а то патруль комендантский шарится и днём и ночью. И каждого обнюхать норовит. Лётчики чокнулись.

– Оставайтесь с Богом, парни! – Саенко смахнул со щеки неожиданную слезинку. – Привык я к вам.

– А ты перебирайся к нам, в Липецк.

– Попробую. У вас там Черноземье, тепло, поди, а то достали эти ветра и холода.

– Это точно, я и сам туда пять лет как перевёлся. Перелетали звеном на ремзавод во Ржев. Знакомого встретил. Отношение на перевод помог мне оформить, и переехали всей семьёй. Ты, Николай, координаты свои мне оставь. Поможем? – И Олег обернулся к Косте.

– Конечно поможем! – Константин хлопнул Саенко по плечу.

– Спасибо, парни. До скорой встречи тогда.

– Ну, повечеряли, теперь отбой в Советской армии.

– Есть, командир!

Оба штурмана легли на кровати и вытянулись по стойке смирно...

Очередной полёт проходил нормально, только целеуказания в воздухе им изменили. Отбомбился уже кто-то.

– Восемьдесят третий, я Самара. Приказываю дозаправиться в воздухе.

– Есть дозаправка в воздухе. Координаты заправщика?

– Квадрат семнадцать. От вас семь минут лёта.

– Самара, я восемьдесят третий, ухожу на дозаправку. – И Олег развернулся, сделав петлю вверх.

Заправщик, массивный и грузный, как нефтеналивной танкер, ждал их в назначенной точке.

– Восемьдесят третий, я Уфа. Дозаправка слева по борту. Поехали.

– Как скажешь, Уфа. Поехали.

Олег снизил обороты, поднял заправочную стойку и начал медленно приближаться к левому крылу заправщика.

На крыле гиганта заморгали три разноцветных фонаря, как на светофоре. Когда красный и зелёный перестали моргать, а загорелся только жёлтый, Олег приготовился.

– Вошёл в жёлтую зону, Уфа.

– Понял тебя.

Из крыла заправщика выехал похожий на полицейский жезл шланг. Такой же чёрно-бело-полосатый, только длинный – метров пятьдесят, не меньше. Это чтобы лётчик видел и постоянно регулировал длину. Близко подходить нельзя – шланг перегнётся, отставать тоже нельзя – соскочит, и несколько тонн соляры умоют твой неглядный самолёт.

Заправочный шланг с муфтой, похожей на перевёрнутую воронку на конце, потихоньку приближался к стойке самолёта.

Щелчок. Есть захват. Муфта намертво поймала наконечник стойки.

Теперь заправка. Расстояние надо чётко выдерживать до конца заправки во избежание неприятностей, которые ждали котёнка Гава во дворе. Десять минут, полна коробочка.

– Восемьдесят третий, я Уфа. Заправку закончил. Отчаливай, удачи на дорогах.

– Понял тебя, Уфа. Спасибо за заботу, и тебе не хворать.

Бомбардировщик ушёл влево и лёг на заданный курс.

11
Сын Александр родился на Дальнем Востоке незадолго до переезда в Липецк. Не обманул Олег – супругу с цветами и шампанским встречал из роддома лично.

– Ну как, Елена Прекрасная? Не подвёл я тебя? Всё как и положено: вот муж, – он ткнул в себя пальцем, – вот автомобиль. Домой-то поедем? А ты давай-ка мне сына – не женское это дело – богатырей на руках носить.

– А как же я? – Лена бережно передавала свёрточек с голубыми ленточками мужу. – Это же ты меня обещал всю жизнь на руках носить.

– А я и не отказываюсь. Сейчас домой приедем – передадим парня Алине на воспитание. Я тебя на руки возьму да так и буду везде носить.

– И на полёты? На полёты тоже?

– Нет, на полёты нельзя, не положено, – смутился Олег.

– Ну так и быть. Договорились. Раз не положено, значит, не положено. Где тут, ты говорил, автомобиль? Поехали домой, родной. Соскучилась по вам – сил нет...

Когда семья перебралась в Липецк, Олег, как и следует её главе, задумался о постройке своего дома. Он всегда мечтал именно о доме. Воспоминания детства будоражили его душу. Хотел

такой же бревенчатый, с резными ставнями, как в Косихе.

– Потянем, Лен?

– Конечно потянем, нас же четверо. Да, Сань?

– Конечно потянем, пап, как в «Мушкетёрах»: один за всех и все за одного, – Саша смотрел на отца снизу вверх. Взгляд у него – такой же серьёзный, внимательный, как у матери.

Олег вспомнил Усть-Каменогорск и улыбнулся. Затем схватил в охапку жену, дочь и сына и закурил по комнате.

Дети визжали от восторга.

– Стоп. Только, дорогие мои домочадцы, первым делом на участке посадим яблони и груши. Очень уж они мне нравятся. А потом дом строить. Согласны?

Олег и Константин лежали на койках, отдыхая после полётов.

– Спишь, командир?

– Да не спится что-то. Про своих вспомнил. Ты знаешь, я с дочерью люблю уроки делать. Она мне иной раз говорит: «Пап, да сама я уже. А то, может, вместо меня в школу пойдёшь?». Я отвечаю: «А что? И пойду, вам, молодым, фору ещё дам». А она смеётся. Был я у них в школе. Мальчонка там один занятый – всё авиацией интересуется.

– Может, он Алиной интересуется больше, а не авиацией?

– Может, и так, – улыбнулся Олег, – но всё равно хороший парнишка, правильный.

– В отпуск ездили в этом году? Или сад-огород закружил?

– Как же! Весь Краснодарский край исколесили. От Сочей до Ейска. На двух машинах. Брат из Казахстана приехал со своей семьёй. Целый месяц куролесили.

– Он у тебя тоже военный?

– Подполковник полиции. У нас с ним пари. Оба мы подполковники, так уговор – кто первым полковника получит, снимается и приезжает в гости, где бы ни находились! Но, думаю, обскочет меня братка, уж такой весь из себя начальник! А сад-огород я тоже люблю. Грешным делом в земле покопаться нравится. Яблоки с кулак – сладкие, как мёд. И соленья на зиму сам закрываю.

– Да ладно!

– Правда. В следующем году в Крым поедем. В этом побоялись на пароме застрять. Ну, давай спать, а то завтра утром вылет. – Олег зевнул.

– Тринадцатый, командир.

– Полёт-то? Это у меня тринадцатый, у тебя – то одиннадцатый. Я в приметы не верю. Вернее, в хорошие верю, а в плохие – нет.

– Ну и ладно. Давай спать, командир.

Джамалу сегодня тоже не спалось. После того как русские самолёты начали бомбить нефтяные караваны, дела пошли совсем плохо. Многие из его отряда в горах Туркмен сбежали. Денег давно не присылали, да и с боеприпасами начались перебои. Даже пришлось пристрелить пару пойманных дезертиров, но и это не помогло. Отряд таял как снег весной.

– Джамал, тебя вызывает Большой Брат. – К нему в палатку зашёл один из боевиков.

Он протягивал полевому командиру сотовый телефон с длинной антенной.

Джамал, не торопясь, взял телефон и поднёс к уху.

– Салам, Джамал, – заскрипела трубка.

– А, это ты, Абу-Хайят. И тебе салам. Что плохого хочешь сказать сегодня?

– Почему плохого? На этот раз хорошие вести.

– Последнее время я привыкаю слышать только плохие новости.

– Только не сегодня. Большой Брат сказал, что завтра утром твоим серым волкам придётся поработать. Можно заработать неплохие деньги.

– Что я должен сделать?

– Завтра утром приедут люди с телекамерами. Расставишь их так, чтобы хорошо был виден сорок третий квадрат. Примерно между десятью тридцатью и одиннадцатью часами смотри шоу. И всё. Большой Брат всё сделает сам. Да, и гляди, чтобы с журналистов не упал ни один волос. После со снятым материалом сопроводишь их до турецкой границы.

– Американцы?

– Это не важно. Важно то, что там же, на границе они заплатят тебе пятьдесят тысяч зелени наличными.

– Это хорошие вести, Абу-Хайят, спасибо, брат, я в долгу не останусь.

И Джамал нажал на клавишу сброса вызова.

НЕБО СИРИИ. ПРОВИНЦИЯ ЛАТАКИЯ

Ни одно лицо, покидающее на парашюте летательный аппарат, терпящий бедствие, не подвергается нападению в течение своего спуска на землю.

П. 1 ст. 42 Протокола Женевских конвенций 1949 года

Тринадцатый полёт в прозрачном сирийском небе проходил в штатном режиме. Цели были

удачно поражены и одобрены с земли. Оставалось только добраться до базы и отдохнуть.

– Мы где сейчас, штурман? – Олег повернулся к Константину.

– Входим в сорок третий квадрат, командир. Вот здесь. – И Костя ткнул пальцем в развёрнутую карту.

Слева по борту встал, покачивая крыльями, военный самолёт Ф-16 С.

На его борту был нарисован красный флажок со звездой и полумесяцем.

Турецкие ВВС. Союзники, мать их. Видно, недалеко граница.

Олег помахал турецкому асу рукой и показал поднятый вверх большой палец. Турецкий лётчик, кивнув в ответ, улыбнулся и, сделав крен влево, зашёл в хвост.

Самолёт потряс страшный удар, в кабине запахло гарью, приборы на доске сошли с ума, они крутились и вертелись в разные стороны. Самолёт начал резко терять высоту и через несколько секунд сорвался в крутое пики.

Олег посмотрел вниз – земля, состоящая из зелёных и рыжих квадратов, стремительно приближалась.

– Катапультируемся, Костя!

– Что?!

– Прыгай!

И дождавшись пока Константин пулей вылетел вверх, Олег сам нажал на кнопку катапультирования.

Константина бросило вверх и вправо, от резкого толчка закружилась голова и затошнило. Затем над ним, хлопнув, раскрылся белый купол, а он, повернув голову, увидел, как их бомбардировщик плавно, словно в замедленной съёмке, прочертил воздух, оставив за собой чёрный шлейф, наткнулся на гору и взорвался, подняв вверх столб пламени.

Порыв ветра подхватил Константина и понёс в сторону от гор, где степные завихури катали по пустынным прогалинам ветки саксаулов.

Перед глазами завертелась вся его жизнь. Как кинолента: Одесская область, посёлок Петровка, здесь он с мамой и папой ходил на демонстрацию. Отец посадил его на плечи, а он, размахивая зелёным шариком, кричал: «Ура!». Германия, где лётчиком фронтовой авиации служит его отец. Маленький Костя, зажав в руке букет цветов, идёт в первый класс, а топающая сзади девочка с белыми бантами всё время больно наступают ему на пятки. Челябинское высшее во-

енное училище лётчиков: он стоит в строю и, любуясь на лейтенантские погоны с новенькими блестящими звёздочками, бросает вверх фуражку. Липецк: он уже капитан авиации, возвращается домой после ночных полётов...

Из оцепенения Костю вывело резкое падение. Его протащило по горному склону. Парашют, попав в очередной порыв ветра, набрал воздуха и юзом поехал вверх. Штурмана продолжало тащить по камням и впадинам, а он хватался за землю руками, ломая ногти, и никак не мог остановить этот калейдоскоп. Потом, собрав силы, встал на колени и обеими руками, резко дёрнув стропы вниз, попытался погасить купол. Парашют дёрнулся и обмяк. Костя отстегнул лямки, сел на землю и закрыл голову руками. Затем вскочил на ноги, ощупал себя – вроде цел. И начал карабкаться на сопку, чтобы посмотреть – не видно ли где командира.

А командир в это время качался на стропях. Он не попал в порыв ветра и медленно спускался, уже приглядывая участок, удобный для приземления...

Джамал приложив руку козырьком ко лбу, разглядывал снизу качающегося под белым куполом человека.

– Эй, Назим, ты его видишь? Этого русского?

Назим, сидевший за «зушкой», ослабил: «Вижу, Джамал!».

– Ну-ка сбей мне этого путинского сокола! Большой Брат за это не обидится на нас!

Назим навёл оба ствола на парашютиста и произвёл длинную очередь.

– Аслан, эй, Аслан!

– Да, Джамал! – Один из бандитов подскочил к главарю.

– Свяжись с Хусейном, второй русский приземлился на его территории. Его будут искать. Пусть подготовится к встрече.

– Я понял тебя, Джамал. – Аслан уже доставал из разгрузки переносную радиостанцию.

Джамал повернулся в сторону журналистов.

– Есть кино?

– О'кей, о'кей! – закивали те.

– Ну тогда в машину, я хочу быстрее получить заработанные мною деньги. Поехали, янки, мои серые волки разберутся здесь без нас.

Армейский джип, хлопнув парой дверей, запылил по горной дороге в сторону турецкой границы.

Джамал вовремя успел унести ноги, он тогда не знал, что всего через два часа двойка россий-

ских штурмовиков разнесёт его лагерь вместе с серыми волками в труху...

Костя Мурахтин очнулся от холода. То ли закемарил, то ли потерял сознание на какое-то время, он и сам не понял. Над сопками сгустилась сумерки. От всего пережитого сегодня голова шла кругом, а Костя никак не мог поймать её и поставить на место. Он то резко вставал, готовый действовать, то вновь садился на землю. Вначале надо было выработать план действий. Хотя бы минимальный. Первым делом разобратся, где он, собственно, находится. Но это он знал: хотя карта полётов и осталась в кабине самолёта, он помнил, что их сбили при вхождении в 43-й квадрат. И кто их сбил? Ведь рядом находился турецкий борт! Почему он не предупредил об атаке? Союзники ведь. Или по ним попали средства ПВО Турции? Но в турецкое воздушное пространство они не вторгались. Это он знал точно. Кому же ещё это знать, как не штурману. А может, с земли? ПЗРК? Заметили бы. В конце концов Костя решил отложить решение этой загадки на потом.

Его стало слегка подташнивать от голода и тяжёлых событий. Он начал шарить по карманам разгрузки. «Так, чего у нас тут? НАЗ». Вскрыл независимый авиационный запас и разложил на земле. Не густо: пол-литра воды в пластиковой бутылке, сто граммов леденцов – добрая половина из которых тут же отправилась по прямому назначению. Нож, коробок водостойких спичек, сухое горючее и ракетница с одной зелёной ракетой.

После Константин бережно достал из бокового кармана АПС и две обоймы, протёр их носовым платком и положил обратно. Как знать, возможно, пригодится, главное – не стрелять очередями.

Бандиты видели, куда он приземлился, – могут искать. Костя хлопнул себя по лбу: искать! Наши тоже будут его искать, если уже не ищут. Сколько времени он находится здесь? А сколько вообще сейчас времени? Он поднёс левую руку к глазам. Командирские часы разбились. Время, которое отпечаталось на них: 10:37. Это час, когда самолёт сбили.

Что делать? Остаться на месте или идти искать командира? Он катапультировался сразу за ним. Стало быть, в радиусе пяти – семи километров. Только в какую сторону?

Ссадина на локте саднила. Всё тело ныло. Да, хорошо его по склону протащило. Как только руки-ноги целы остались?

Что-то неприятно ткнуло его в правый бок. Костя, хмураясь, полез рукой в карман разгрузки. Тьфу ты, ёлки-палки! С этого же и надо было начинать. Радиомаяк! Если бы не эта чехарда, точно вспомнил бы! И он, уперев маяк в землю, нажал на красную кнопку активации...

– Есть радиосигнал, товарищ генерал! – Молодая радистка, срываясь на визг, вскочила из-за стола с передатчиком. – Есть! Вот он, миленький!

– Тихо-тихо, не кричи ты так! В каком квадрате?

– Вот здесь, в квадрате сорок три!

– Слава Богу, хоть один жив. А может, оба – тогда, считай, у ребят второй день рождения сегодня.

В ЦКП после многочасового тягостного затишья даже дышать стало как-то полегче.

Начальник базы уже связывался с командиром охранения.

– Пятый, это первый! Есть радиомаяк – да, да, и слава Богу. Поднимай своих морпехов – две вертушки, в сорок третий квадрат. Будете там к утру. Радиосигнал чёткий, за несколько километров до точки присядете и пойдёте пешком, вдруг засада. Пеленг радиосигнала с борта вертушки один-три градуса по азимуту.

Константин Мурахтин в это время двигался на юго-запад. Направление он определял по звёздам и по внешним признакам – луна освещала местность довольно прилично. Двигаясь по сопкам, он забирался вначале на вершину, осматривал окрестности, обходил населённые пункты или опасные, на его взгляд, места. Везде присматривал лёжки, которые могли пригодиться при внезапном нападении, занять оборону – хотя бы на некоторое время. Пустынные участки проходил короткими перебежками либо полпластунски – на пузе.

Он и сам удивлялся: почему ничего не боится? Наверное, весь страх остался там – в кабине самолёта.

За семь километров до точки, из которой исходил радиосигнал, вертушки разделились. Одна полетела прямо на сигнал. Вторая решила обогнуть горный массив и осмотреть, нет ли поблизости крупных отрядов джихадистов.

Здесь-то она и нарвалась на засаду. Бандиты открыли кинжальный огонь из всех стволов, борт был расстрелян, как решето, и сел у подножья горы. Забрав одного двухсотого и трёх человек ранеными, морпехи связались с экипажем первой вертушки и отошли в указанный район.

Штурман Мурахтин услышал звук вертолѐта перед самым рассветом. Он тут же затаился, но, увидев бортовые номера, обозначил себя зелёной ракетой. Пригодилась.

К утру о том, что подполковник Олег Пешков погиб, было уже известно всем. Западные журналисты очень оперативно выставили кадры предательской атаки в интернет.

Иногда ночью, укутавшись в тёплый пуховый платок, Лена выходит в сад и смотрит на звѣзды.

Она гладит рукой деревья, которые посадил Олег. Затем подолгу стоит, глядя вверх, и вытирает слѣзы, которые катятся и катятся по щекам.

– Где ты, Олежка? Может быть, ты не погиб, а улетел на другую планету? Там нет земли, а только небо. Куда ни кинь взгляд, одно только небо – небо – небо...

Шелестит листва в саду. Падают звѣзды. Медленно плывут облака, чтобы через какое-то время пробежать по прозрачному небу Сирии, которое так подвело её Олега...

